

ГОМИЛЕТИКА

СВ. ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА*).

Въ исторіи древняго христіанскаго краснорѣчія не можетъ не обращать на себя вниманіе изслѣдователя его судебъ одно обстоятельство, — именно различіе путей, какими шло и развивалось проповѣдничество въ двухъ главныхъ половинахъ христіанскаго міра, — восточной и западной. На востокѣ, въ Греціи мы видимъ много ораторскихъ талантовъ, находимъ безсчетное число замѣчательныхъ образцовъ краснорѣчія, встрѣчаемъ духовное ораторство на такой высокой степени процвѣтанія, что ему могутъ позавидовать всѣ другія вѣка и литературы. Между тѣмъ, при избыткѣ производительности и производительности образцовой тамъ вовсе теоретическимъ образомъ не обсуждаютъ церковнаго краснорѣчія и не думаютъ составлять кодексъ правилъ, которыми бы можно было способствовать лучшему и болѣе правильному развитію церковнаго краснорѣчія. Церковно-проповѣдническая практика поглощала собою всѣ силы и таланты, не оставляя времени и досуга для теоретическихъ разсужденій о проповѣди. Богатое и широкое развитіе проповѣд-

*) См. ноябрь 1864 г.

ничества, какое представляла жизнь, устраняло нужду въ теоретическихъ пособіяхъ и указаніяхъ. Свѣтская реторика,—самый популярный предметъ въ вѣка софистики, въ то время господствовавшей,—слишкомъ хорошо извѣстна была знаменитымъ отцамъ-проповѣдникамъ, и они, пользуясь подѣ-часъ ея услугами, и не встрѣчая никакихъ затрудненій для своей плодотворной проповѣднической дѣятельности, не приходили къ мысли о томъ, чтобы эту реторику преобразовать въ реторику христіанскую, спеціально посвященную указанію и разбору условій и способовъ лучшаго вѣденія собственно церковно-проповѣдническаго дѣла.

На западѣ напротивъ мы встрѣчаемъ обратный порядокъ. Латинская проповѣдническая литература первыхъ вѣковъ такъ обѣдна въ сравненіи съ греческою, что между ними даже невозможна никакая параллель. Долгое время вы не видите здѣсь ни талантовъ, ни ораторскихъ произведеній. Но лишь только въ IV вѣкѣ явилось тамъ церковное ораторство, вмѣстѣ съ нимъ явилась и христіанская реторика, предлагавшая руководство и пособіе для пастырско-проповѣднической практики. Въ этомъ отношеніи западъ, всегда уступавшій востоку въ литературномъ богатствѣ, и рѣшительно не имѣвшій склонности къ теоріи, уредилъ Востокъ или Грецію, и Гомилетика, теоретически трактующая о проповѣди, имѣетъ первую свою родоначальницу въ *»христіанской наукѣ«* блаж. Августина. Мы не видимъ въ этомъ особеннаго преимущества запада предъ востокомъ, не видимъ и разногласія съ тѣмъ основнымъ характеромъ, чуждымъ теоріи, съ какимъ является въ литературѣ геній римскаго народа. Не видимъ преимущества предъ востокомъ потому, что попытки составленія правилъ о проповѣдничествѣ, встрѣчаемые нами на западѣ, не представляютъ изъ себя твердаго и всесторонняго раскрытія предмета,—и послѣ нихъ для Гомилетики гораздо больше имѣютъ значенія произведенія

греческаго ораторства, чѣмъ замѣчанія о проповѣди въ теоретическихъ сочиненіяхъ западныхъ гомилетовъ. На проповѣдничествѣ греческомъ она скорѣе и лучше можетъ опереться, чѣмъ на правилахъ, указываемыхъ западомъ, и потому обыкновенно туда обращено ея вниманіе, гдѣ богатая и разнообразная проповѣдническая практика, а не туда, гдѣ при бѣдности практической производительности, встрѣчаются умныя и полезныя замѣчанія для дѣятелей того рода. Сводъ этихъ замѣчаній въ одно цѣлое, имѣющее нѣкоторый видъ науки, и ихъ распространеніе,—на нашъ взглядъ, свидѣтельство скудости литературной производительности того рода, къ какому они относятся,—и сами по себѣ они представляютъ усилія лучшихъ дѣятелей общества восполнить чувствуемый недостатокъ и вывести на дорогу слабую, не твердую мысль, не умѣющую выполнять надлежащимъ образомъ важную и настоящую обязанность церковную. Они преслѣдуютъ практическія цѣли и не задаютъ себѣ особыхъ теоретическихъ вопросовъ. Имѣя видъ и задачу практическаго руководства въ дѣлѣ проповѣдничества, они естественно могли и должны были явиться на той почвѣ, которая, будучи мало воспріимчива для возвышенныхъ и безкорыстныхъ теорій, такъ удобна для воздѣлыванія всего дѣловаго, прямо относящагося къ существеннымъ житейскимъ нуждамъ и потребностямъ. Потому самому нисколько не должно казаться страннымъ, что западный геній первый выступивъ законодателемъ въ области Гомилетики, первый рѣшилъ и сочелъ нужнымъ правилами учить церковному проповѣдничеству. Это сообразно съ природою вещей и общимъ настроеніемъ западной мысли. Не полагая въ возникновеніи гомилетическихъ руководствъ особенно благопріятнаго признака для общаго хода проповѣднической литературы на западѣ, мы не можемъ безъ уваженія относиться къ тѣмъ лицамъ, которые писали практическія замѣчанія для пастырей-проповѣдниковъ, и тѣмъ засвидѣтель-

створали свою заботливость о возможномъ улучшеніи проповѣдническаго дѣла въ томъ кругу, въ которомъ они обращались. Для запада, небогатаго въ литературно-проповѣдническомъ отношеніи въ первые вѣка христіанства, эта заботливость была нужна и могла произвести благотворное дѣйствіе.

Св. Григорій Двоесловъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ передовымъ представителямъ запада, которые не только проповѣдывали, но составляли и передавали другимъ правила касательно лучшаго способа проповѣданія. Его *»Пастырское Наставленіе* или сочиненіе о пастырскомъ служеніи (*Scriptae pastoralis liber*) въ исторіи Гомилетики непосредственно слѣдуетъ за *»Христіанскою Наукою»* блаж. Августина, и служить свидѣтельствомъ той заботливости, съ какою онъ старался руководить другихъ въ трудномъ дѣлѣ пастырскаго служенія и въ частности проповѣдничества. Конечно, здѣсь, въ своемъ наставленіи, святой отецъ-проповѣдникъ выразилъ тѣ лучшія думы, какія выработались у него во время его немаловажнаго пастырскаго служенія, и тѣ опыты, какіе указала ему собственная практика. Потому характеристику проповѣдничества св. Григорія Двоеслова естественнѣе всего открыть изображеніемъ его взгляда, выразившагося въ его руководственномъ *Пастырскомъ Наставленіи*: здѣсь ключъ, который отворяетъ входъ въ рабочую комнату проповѣдника и чрезъ то даетъ намъ возможность слѣдить за внутреннимъ процессомъ его труда, за его тайными размышленіями и за уясненіемъ тѣхъ идеаловъ, къ какимъ стремилась его душа.

Пастырское Наставленіе св. Григорія Великаго не посвящено исключительно проповѣдничеству. Предметъ и задача его шире этого частнаго вида пастырскаго служенія. Оно говоритъ о пастырскомъ служеніи вообще, и прежде (въ первой

части) опредѣляетъ, какія свойства долженъ имѣть тотъ, кто хочетъ посвятить себя пастырскому служенію, потомъ (во второй) показываетъ, каково должно быть поведеніе принявшаго на себя пастырское званіе, и наконецъ только третья часть посвящена исключительно разсужденію о томъ, какъ долженъ учить другихъ пастырь церкви. Въ заключеніе присоединена четвертая, очень краткая, часть, которая внушаетъ пастырю и мудро учащему постоянную бдительность надъ собою, чтобы изцѣляющій немощи и болѣзни другихъ при успѣхѣхъ не увлекся къ гордости и самообольщенію.

Но мы не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что мысль объ учительствѣ—главная, болѣе другихъ выдающаяся, мысль всей книги. Она составляетъ глубокой фонъ всего воззрѣнія, раскрываемаго св. Григоріемъ, и прямо проторгается на верхъ даже въ первыхъ двухъ частяхъ, гдѣ еще не началъ говорить святой отецъ о тѣхъ способахъ, къ какимъ долженъ прибѣгать пастырь при исполненіи своего учительскаго долга. Отъ того между прочимъ разсужденія объ этихъ способахъ учительства составляющія содержаніе третьей части, занимаютъ собою двѣ трети цѣлой книги, и вдвое болѣе всѣхъ другихъ трехъ частей, вмѣстѣ взятыхъ.

Въ книгѣ, поставившей себѣ широкую задачу, частное дѣло проповѣди не могло быть отмѣчено опредѣленными и связными чертами. Идеаль проповѣдника носится въ мысли читателя Пастырскаго наставленія, носится въ образѣ неполномъ, рисуется тою или другою отрывочною частною чертою. Въ этомъ отношеніи полнотѣ представленія не помогаетъ и длинное разсужденіе о томъ, какъ учить пастырю, встрѣчаемое въ третьей части,—не помогаетъ потому, что оно, не рисуя цѣльнаго образа проповѣдника, подробно анализируетъ одну частную мысль, какъ примѣняться къ слушателямъ проповѣднику и примѣняясь разнообразить одно и то же ученіе, т. е., какъ учить

мужчинъ, какъ женщинъ, какъ юношей, какъ старцевъ, какъ бѣдныхъ, какъ богатыхъ и т. д. Между тѣмъ изъ внимательнаго соображенія книги, изъ сочетанія въ одно цѣлое всѣхъ частныхъ мѣстъ, касающихся проповѣдничества, разсѣянныхъ въ книгѣ, восстанавливается живой и полный идеальный образъ, указать на который не излишне и полезно и въ наше время, такъ далекое отъ вѣка св. Григорія, и такъ богатое опытами предшествовавшихъ поколѣній.

У св. Григорія Двоеслова очень живо было *сознаніе необходимости* для пастыря церкви общественнаго учительства или *проповѣдничества*. Его онъ считалъ самою существенною частію пастырскаго служенія, и потому мысль о немъ полагалъ въ основаніе книги, написанной для руководства пастырей церкви. Убѣжденіе въ необходимости проповѣдничества онъ настоятельно впускалъ окружающимъ его и подчиненнымъ ему духовнымъ лицамъ, и это не въ одномъ только *Пастырскомъ Наставленіи*, но и въ письмахъ (наприм. Доминику Карфагенскому¹⁾, и поученіяхъ, говоренныхъ предъ собраніемъ клира²⁾). Мысль эта не говоритъ за себя ни особенною силою, ни новостію. Но среди тѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ проявлялась церковно-религіозная жизнь запада, она получаетъ такую значимость, что на ней съ чувствомъ довольства и успокоенія останавливается вниманіе историка. Западное духовенство холодно относилось къ этой сторонѣ пастырскаго долга, и оставляло ее въ пренебреженіи; не сельскіе только священники, мало владѣвшіе образованіемъ заслуживали въ этомъ отношеніи упреки отъ историковъ, но и люди, поставленные на высшихъ іерар-

¹⁾ Divi Gregorii papae, huius nominis. primi, cognomento magni omnia opuscula. T. II, fol. 256. Epistol. lib. decimus c. I.

²⁾ Homil. in Euang. XVII. Oper. omni. T. II, f. 117—119.

хических степеняхъ. Внѣшняя обрядная сторона богослуженія у римлянъ скоро, по водвореніи христіанства, получила широкое развитіе и приковала къ себѣ сердца вѣрующаго народа. Пастыри церкви видѣли назидательность внѣшняго богослужебнаго чина и церемоніальными формами связали свободу своего служенія, мало думая о внутреннемъ вѣяніи чрезъ нихъ Духа Божія въ словѣ и ученіи. Ограниченіе пастырскаго долга внѣшними сношеніями съ пасомыми, выполненіемъ церковныхъ обрядовъ и совершеніемъ таинствъ изъ поколѣнія въ поколѣніе входило въ обычай, и обычай этотъ укоренился и затвердѣлъ при недостаткѣ образованія въ значительномъ большинствѣ пастырей, какими должна была довольствоваться римская церковь. Естественнo было заглухнуть проповѣди, когда на церковныхъ мѣстахъ являлись люди, мало способные къ самостоятельной бесѣдѣ съ народомъ о предметахъ вѣры христіанской. Пренебреженіе долга проповѣдничества со стороны мало способныхъ къ его выполненію не ставилось имъ въ вину, и чрезъ то не могло оставаться безъ вліянія на тѣхъ избранныхъ, которые были болѣе или менѣе приготовлены къ священному *искусству назиданія*. Ничто не будило ихъ сознанія о проповѣдническомъ долгѣ, когда кругомъ многіе изъ пастырей обходились въ своемъ служеніи безъ всякихъ заботъ о немъ, не возбуждая тѣмъ противъ себя ни упрековъ, ни осужденія. А лишній трудъ, не вызываемый сильными побужденіями, кто любитъ брать на себя изъ людей, обыкновенно больше ищущихъ удобствъ и спокойствія, чѣмъ заботъ и обязанностей? Голосъ св. Григорія Двоеслова, настаивавшій на необходимости проповѣдничества для пастыря, имѣлъ значеніе будильника для погруженнаго въ дремоту западнаго духовенства. Онъ имѣлъ въ виду подорвать обычай, укоренившійся въ практикѣ, и заслонявшій отъ глазъ священниковъ одну изъ самыхъ важныхъ частей ихъ служенія. Этотъ голосъ цѣнили послѣдующія времена; въ видѣ соборовъ

и представителей церковной администраціи, они не разъ прибѣгали къ его авторитету, чтобы на сознаніи священства сильнѣе и живѣе напечатлѣть его долгъ и призваніе.

Ставя дѣло проповѣдничества въ непремѣнную обязанность пастырю церкви, св. Григорій Двоесловъ смотритъ на него съ такой высокой точки зрѣнія, что человѣку простому, не выдающемуся никакими особенными талантами, страшно браться за него. Священная катедра представлялась св. Григорію предметомъ первостепенной важности въ церковно-религіозной области; проповѣдничество, по его взгляду, несло съ собою къ своему исполнителю большой трудъ, требующій съ его стороны усиленной и постоянной внимательности. Цѣли его, направленные къ способствованію спасенію человѣка и общества, дѣлали изъ проповѣдника живое орудіе верховнаго Пастыря, всѣмъ пожертвовавшего для искупленія человѣчества. Потому св. Григорій много думалъ и говорилъ объ условіяхъ, отъ какихъ зависитъ успѣхъ проповѣдническаго дѣла.

Первое условіе успѣха для проповѣдника—*чистая, святая, образцовая жизнь*. Этому условію св. Григорій придаетъ особенное значеніе, и старается выставить его на видъ въ своемъ *Пастырскомъ наставленіи*. На священной пастырской кафедрѣ онъ желалъ бы видѣть такихъ мужей, которые умерши для всѣхъ плотскихъ страстей, живутъ уже духомъ, которые отложили всякое попеченіе о мірскомъ благополучіи, которымъ не страшны никакія бѣдствія, для которыхъ вождѣлены только блага внутреннія. У нихъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія овладѣть чужимъ добромъ, напротивъ, они охотно раздаютъ свое собственное. Отъ чистаго сердца они всегда готовы извинить преступника, не снисходя впрочемъ до слабости, но соблюдая законы правды. Самимъ себѣ они не позволяютъ ничего запрещеннаго, а грѣхи другихъ оплакиваютъ, какъ свои

собственныя. Они искренно состраждутъ чужому несчастію, и такъ радуются благосостоянію ближнихъ, какъ бы оно принадлежало имъ самимъ. Во всемъ, что ни дѣлаютъ они, открывается другимъ образецъ, достойный подражанія, и никто не укажетъ въ ихъ жизни ни одного такого поступка, за который бы они должны были краснѣть. Они стараются жить такъ, чтобъ и самыя сухія сердца ближнихъ напоились и умягчались росой исповѣдуемаго ими ученія ¹⁾.

Требованіе высокаго нравственнаго совершенства отъ христіанскаго оратора, поставленное въ главѣ условій успѣшнаго выполненія его долга, вытекаетъ изъ яснаго и вѣрнаго взгляда на сущность христіанскаго церковнаго краснорѣчія. Еще апостолъ говоритъ, что слово наше *не въ прелъстельныхъ чловѣческихъ премудрости словесехъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 11, 4). Прилагая это указаніе апостола къ обыкновеннымъ проповѣдникамъ церкви, на основаніи его мы должны сказать, что не внѣшнее искусство, не діалектическая ловкость и не красота формы даютъ убѣдительность проповѣдническому слову, а внутренняя нравственная сила проповѣдника. Христіанской проповѣдникъ имѣетъ своею задачею возвѣщать и переводить въ жизнь высокія нравственныя начала, открытыя Евангеліемъ, для ея освященія и возвышенія. Объ нихъ онъ можетъ говорить съ искреннимъ побѣждающимъ одушевленіемъ только тогда, когда они вошли въ его плоть и кровь и составляютъ жизненный нервъ его души. Тогда въ языкѣ его будетъ энергія и горячность, предъ которою таютъ и исчезаютъ всѣ возраженія упрямаго разсудочнаго невѣрія и нравственной холодности. У языческихъ риторовъ въ ходу было положеніе: *Nemo orator, nisi vir bonus*. По смыслу этого положенія, истиннымъ и плодотворнымъ ораторомъ можетъ быть только человѣкъ ис-

¹⁾ Пастырск. Наст. ч. 1. гл. X.

пытанной честности и известной добродѣтели, котораго нельзя заставить, подкупомъ или принужденіемъ, говорить въ пользу неправды и въ защиту порока, который возвышаетъ свое слово только за то, въ чемъ убѣжденъ, какъ истинномъ и честномъ: такой человѣкъ не запятнаетъ себя какимъ либо недобросовѣстнымъ или вялымъ, не искреннимъ словомъ. Мы признаемъ справедливымъ такое разсужденіе по отношенію къ ораторству, преслѣдующему гражданскія цѣли, старающемуся о поддержаніи и соблюденіи внѣшняго закона и порядка. По отношенію къ краснорѣчію христіанскому, имѣющему дѣло съ внутреннимъ, религіознымъ человѣкомъ, а не съ внѣшнимъ, государственнымъ, подобное требованіе должно быть въ преимущественномъ смыслѣ. Говорить о цѣляхъ, осязательныхъ для всякаго члена общества, дѣйствовать на страсти и чувства человѣка во имя началъ патріотическихъ или юридическихъ, прямо касающихся его видимаго благосостоянія—для того требуется только честность и гражданская доблесть, которая далеко не достигаетъ до высоты нравственнаго идеала, конимъ долженъ быть одушевленъ проповѣдникъ. Въ древнее классическое время талантъ и теоретическое ученіе, состоящее въ ознакомленіи съ образцами краснорѣчія и гражданскими законами, дѣлали изъ человѣка оратора. У насъ въ христіанскомъ религіозномъ ораторствѣ нравственное воспитаніе должно быть поставлено выше таланта и самой обширной учености, по отношенію къ успѣху проповѣди. Талантъ и ученость много могутъ облегчать проповѣднику трудное дѣло его служенія, но сами имѣютъ въ немъ значеніе только тогда, когда онъ нравственнымъ воспитаніемъ сдѣлалъ себя живымъ органомъ духа Христова. Безъ этого безъ пользы пропадаютъ на церковной кафедрѣ и геній и знаніе, какъ силы, явившіяся на чужомъ мѣстѣ, и слово ихъ имѣетъ значеніе звука бездушной мѣди, вызваннаго прикосновеніемъ какой либо случайной силы. Проповѣдывать высокую

евангельскую нравственность и христіанство и не быть высоко-нравственнымъ христіаниномъ—это дѣло также не естественное, какъ возбуждать патріотизмъ, не будучи патріотомъ или говорить въ пользу закона или гражданскаго постановленія, которое мы виспроверяемъ своими дѣлами. »И языкъ измѣнить намъ на каедрѣ (говоритъ св. Григорій Двоесловъ)¹⁾, когда мы будемъ учить совѣмъ не тому, чѣмъ сами заняты. Наша рѣчь тогда будетъ рѣчью съ чужаго голоса, пустою внутри, хотя бы внѣшній блескъ ея напоминалъ собою художественныя свѣтскія произведенія. И эта пустота внутренняя не можетъ быть долго скрываема за натянутою внѣшнею оболочкою отъ глазъ, ищущихъ въ проповѣди духовнаго назиданія и вѣянія благодати, утѣшающей и укрѣпляющей нравственную волю. Она съ перваго даже раза даетъ себя знать чуткому духу вѣрующаго благочестія, и чувствомъ недовольства отзовется въ душѣ самыхъ внимательныхъ слушателей. Когда мы обращаемся мыслію къ знаменитымъ христіанскимъ ораторамъ, снискавшимъ себѣ имя въ исторіи, мы не знаемъ, чему въ нихъ больше удивляться,—ораторскому ли таланту, или силѣ нравственнаго святаго духа, въ нихъ вѣющаго, и, конечно, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что на послѣдней болѣе опирается ихъ плодотворная проповѣдническая дѣятельность, чѣмъ на природномъ геніѣ.

Когда св. Григорій Великій говоритъ о нравственныхъ качествахъ проповѣдника, и требуетъ отъ него особенной нравственной высоты для успѣха его служенія, онъ доказываетъ необходимость этого требованія не съ той точки зрѣнія, по которой человѣкъ, не воплотившій въ себѣ евангельскаго духа, не найдетъ въ своей душѣ вдохновенія и силы для живой и убѣдительной рѣчи о евангельскомъ ученіи, способной потря-

¹⁾ II. Наст. ч. 1, гл. I.

сти сердца слушателей. Онъ обращаетъ при этомъ вниманіе не столько на внутреннюю работу проповѣдника, сколько на расположенія его слушателей. Жизнь проповѣдника, по его указанію, должна быть образцовою потому, что примѣръ ея можетъ усиливать дѣйствіе слова, и что напротивъ въ случаѣ нравственной слабости проповѣдника, его поведеніе ослабляетъ или даже совсѣмъ разрушаетъ дѣйствіе проповѣдуемой истины. Разсчетъ вполнѣ справедливый и необходимый для добросовѣстнаго пастыря. Жизнь его постоянно предъ глазами паствы, а слово раздается предъ слухомъ ея только во временахъ: временныя впечатлѣнія отъ проповѣди, конечно, могутъ совсѣмъ изгладиться изъ души слушателей, когда предъ глазами постоянно будетъ жизнь, не согласная съ проповѣдію. Пастырь—передовой человѣкъ въ церкви; своею жизнію онъ долженъ указывать пасомымъ путь жизни и осуществлять предъ ними на практикѣ своимъ поведеніемъ тотъ законъ, какому онъ учитъ ихъ, и устная проповѣдь удобнѣе и вѣрнѣе проникаетъ въ сердца слушателей, когда подтверждается примѣрнымъ поведеніемъ самого проповѣдника: словомъ онъ можетъ только побудить, а примѣромъ и помочь дѣлать добро... Своими дѣлами, какъ бы мышцею, онъ долженъ понуждать всякаго, кто смотритъ на него, къ высшему и высшему совершенству¹⁾». Не будетъ этого, погибло знаніе проповѣдника, погибъ его трудъ: какъ бы часто онъ ни проповѣдывалъ, усилія его будутъ безуспѣшны, подобно усиліямъ человѣка, таскающаго камни на высокую гору и полагающаго ихъ на крутизнѣ. Св. Григорій съ большою горестію упоминаетъ о такихъ проповѣдникахъ, разрушающихъ одною рукою то, что другою созидаютъ. Онъ прилагаетъ къ нимъ слова пророка Іезекіиля: *устоявшіюся воду пиваете и остатокъ ногами вашими возмущаете, и овцы моя по пра-*

1) Паст. Наст. ч. II гл. 3.

нісмъ ногъ вашихъ живяху, и возмущенную воду ногами вашими пїяху (XXXIV, 18. 19). Сами пастыри (говоритъ онъ) пьютъ чистую воду, когда они почерпаютъ ученіе изъ источника истины; но сію же самую воду они, можно сказать, мутятъ своими ногами, когда позорятъ своею порочною жизнію тѣ святыя правила, до которыхъ возвысились они посредствомъ размышленія. И вотъ, возмущенную ногами пастырей воду пьютъ ихъ овцы: потому что подчиненные обыкновенно слѣдуютъ не столько словамъ своихъ начальниковъ, сколько примѣру ихъ жизни. Пасомые жаждутъ чистаго ученія: но такъ какъ это ученіе уже повреждено дѣлами пастыря, то они и принуждены утолять свою жажду изъ грязнаго источника.... О, конечно, эти недостойные пастыри съ трепетомъ избѣгали бы такой тяжелой вины, если бы внимали слухомъ сердца своего сему приговору истины: *иже аще соблазнитъ единого малыхъ сихъ, вѣрующаго въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потопетъ въ пучинѣ морстїи* (Мат. XVII, 6).¹⁾

Вмѣстѣ съ нравственнымъ характеромъ св. Григорій уважаетъ и природный *талантъ* въ проповѣдникѣ, и желалъ бы, чтобы не уклонялись отъ должности пастырей-проповѣдниковъ «люди, падѣленные особенными дарами благодати Божіей, видимо возвышенные предъ другими и для блага другихъ отличными способностями,... носящіе какъ бы на челѣ своемъ печать власти²⁾». При всей любви своей къ монастырской тишинѣ, при всемъ уваженіи къ аскетическому подвижничеству, св. Григорій скорбѣлъ, если видѣлъ, что такіе люди предпочитаютъ созер-

1) Паст. Паст. ч. 1 гл. 2.

2) Ч. 1, гл. 5.

чаніе и уединенную молитву полезной практической дѣятельности, и даже полагалъ въ такомъ настроеніи ихъ воли нравственную виновность. »Если люди, осыпанные великими дарами благодати (говоритъ онъ), пристрастившись къ занятіямъ одной созерцательной жизни, отказываются дѣйствовать въ пользу ближнихъ своею проповѣдію, любятъ лишь покой уединенія и ищутъ свободы отъ всякихъ трудовъ общественныхъ, то, судя безпристрастно, они на столько же дѣлаются виновными, на сколько могли бы принести пользы, еслибы всгунили въ общественное служеніе.«

О занятіяхъ, о теоретическомъ образованіи проповѣдника мало говорится въ Пастырскомъ Наставленіи св. Григорія Двоеслова. Но необходимость знанія для проповѣдника предполагается въ немъ сама собою, какъ предметъ, о которомъ не можетъ быть и спору. Нельзя же быть учителемъ народа, не зная основательно того, чему нужно учить. »И въ свѣтѣ не берутся учить какому либо искусству (такъ начинается первую часть своей книги св. Григорій), не изучивъ его предварительно, посредствомъ внимательнаго размысленія.« И однакожъ практика жизни, современной св. Григорію, представляла частыя уклоненія отъ этого очевиднаго правила. Въ труднѣйшемъ искусствѣ нравственнаго водительства народа, многіе брались за дѣло и безъ знаній и безъ приготовленія. Съ сожаленіемъ и укоромъ относится св. Григорій къ такой неестественной дѣйствительности, и только тѣмъ сдерживаетъ свое удивленіе дерзости людей, безъ знаній желающихъ казаться учителями, что эта дерзость вошла какъ бы въ привычку времени отъ частаго ея повторенія, и сдѣлавшись порокомъ довольно общимъ перестала показывать во всей своей рѣзкости сторону, подлежащую нравственному осужденію.

Мы впрочемъ поступили бы односторонне и не логично, еслибы, подвергая осужденію малообразованныхъ пастырей, снимали за это всякую отвѣтственность съ той среды, изъ которой они выходятъ. Пастырей церкви нельзя представлять изолированными личностями, какъ будто свыше посланными къ народу. Они выбираются изъ среды самаго народа. и не могутъ вполне отрѣшиться отъ вліянія этой среды. Сами въ себѣ они носятъ обыкновенно то, чѣмъ снабжаетъ ихъ та почва, на которой они растутъ и развиваются. Если въ народѣ или обществѣ невѣжество, то откуда взяться въ немъ образованнымъ пастырямъ? Народъ долженъ позаботиться, сдѣлать съ своей стороны нѣкоторыя жертвы для того, чтобы его духовные руководители выходили людьми свѣдущими и образованными. Мысль эту не оставилъ безъ вниманія римскій пастырь, старавшійся о замѣщеніи достойными лицами пастырскихъ кафедръ. Произнесши осужденіе на пастырей, держащихъ законъ и не знающихъ Господа, онъ прибавляетъ, что »невѣдѣніе пастырей часто вполне соответствуетъ заслугамъ пасомыхъ, такъ что хотя они, эти пастыри, собственно по своей винѣ лишены бываютъ свѣта знаній, однакожъ, по праведному суду Божию, изъ за невѣжества ихъ должны бываютъ страдать и тѣ, которые имъ слѣдуютъ. Посему-то въ Евангеліи и говоритъ истина: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Матѹ. XV, 14).¹⁾» Невѣдѣніе пастырей представляется у св. Григорія наказаніемъ Божиимъ, вызваннымъ поведеніемъ пасомыхъ, и оно сопровождается страданіемъ и нравственнымъ разслабленіемъ общества, подвергшагося праведному суду Божию. Мы не выдемъ за предѣлы мысли св. отца, если вину, вызывающую наказаніе, обнаруживающееся въ невѣдѣніи пастырей народа, поставимъ не въ однихъ общихъ нравственныхъ преступленіяхъ, а въ прямой

¹⁾ Паст. II. ч. 1 гл. 1.

невнимательности общества къ пастырскому служенію и его представителямъ. Страданіе народа въ этомъ случаѣ является справедливымъ возмездіемъ за его небреженіе и непосредственнымъ слѣдствіемъ его безучастнаго отношенія къ тѣмъ, отъ кого зависитъ его нравственное воспитаніе и душевно-религіозная крѣпость. Мы желали бы на эту мысль обратить вниманіе нашего общества, въ которомъ многіе такъ любятъ слать сильные укоры цѣлому духовному сословію за его отсталость и малообразованность, и которое между тѣмъ слишкомъ мало думаетъ о томъ, чтобы какъ нибудь помочь этому духовному сословію въ его стремленіи къ самообразованію. У насъ нѣтъ сильныхъ вліятельныхъ проповѣдниковъ между пастырями. Такой укоръ часто обращаютъ въ лицо нашему духовенству. Положимъ, что онъ справедливъ, но въ свою очередь имѣемъ право спросить, *не соответствуетъ ли вполне* такое мало отрадное положеніе нашего пастырства *заслугамъ пасомыхъ*, и въ нравственныхъ страданіяхъ, отсюда вытекающихъ, не виноваты ли вмѣстѣ съ пастырями и тѣ, среди которыхъ живутъ они?....

Направленіе образованія и мѣра знаній, необходимыхъ для пастыря-проповѣдника, не опредѣляются въ Пастырскомъ Наставленіи св. Григорія. Но объ этомъ предметѣ можно составить ясное представленіе, соображая воззрѣнія св. Григорія, выраженный въ другихъ его сочиненіяхъ. Мы помнимъ, какіе упреки онъ дѣлалъ Деидерію, епископу Галльскому за то, что онъ молодыхъ клириковъ, готовившихся къ занятію церковно-іерархическихъ должностей, знакомихъ съ предметами свѣтской языческой науки и литературы. Считаая свѣтскую языческую науку и литературу вещь недостойною того, чтобы занимать собою мысль христіанина, онъ, конечно, не полагалъ ее въ числѣ знаній, на пріобрѣтеніе которыхъ могъ бы тратить дорогое время человѣкъ готовящійся въ проповѣдники церкви Христовой или уже облеченный этимъ званіемъ. Напротивъ онъ готовъ

былъ отстранить всякаго своими совѣтами отъ подобныхъ занятій, не только, по его воззрѣнію, бесполезныхъ, но прямо могущихъ осквернить святыя расположенія христіанскаго чувства.—Говоря о знаніяхъ пастыря-проповѣдника, св. Григорій именемъ *»духовныхъ правилъ«*¹⁾ означаетъ тѣ предметы, съ которыми онъ долженъ быть знакомъ въ совершенствѣ. Къ *»свѣту высшаго созерцанія«*²⁾ вотъ куда устремляетъ вниманіе пастыря-проповѣдника св. Григорій. Эти не многія слова достаточно характеризуютъ направленіе и содержаніе той мудрости, которою долженъ обладать христіанскій проповѣдникъ. Именно, эта мудрость—знаніе вѣры и духовнаго евангельскаго закона, по которому мы должны устроить свою жизнь. Это высшее озареніе, подъ наптіемъ котораго должна развиваться мысль проповѣдника, указываетъ на откровенный божественный источникъ нашихъ знаній и на благодатное помазаніе, дающее теплый религіозный колоритъ мыслямъ и выраженіямъ христіанскаго учителя. Мы такимъ образомъ, по указанію Пастырскаго Наставленія, должны представлять христіанскаго проповѣдника проникнутымъ силою божественнаго ученія Христова и дышущимъ святостію и благочестіемъ. Это благочестивое настроеніе мысли и твердое знаніе вѣры, въ особенности ея практическихъ правилъ, служатъ главными условіями, при какихъ можно ожидать уснѣха отъ проповѣднической дѣятельности человѣка. Широкія познанія изъ другихъ сферъ, при отсутствіи озаренія свыше, т. е., безъ просвѣщенія откровеніемъ, въ этомъ случаѣ мало полезны и не должны входить въ расчетъ, по мысли св. Григорія, при образованіи проповѣдниковъ.

Средство для того образованія, какое необходимо про-

¹⁾ Паст. Наст. ч. 1, гл. 1 и 2.

²⁾ П. Наст. ч. 1, гл. 11.

повѣднику, св. Григорій указываетъ въ *ежедневномъ и усердномъ изученіи св. Писанія*¹⁾. Сюда онъ хотѣлъ бы приковать мысль тѣхъ, которые являются церковными учителями, и отсюда общалъ имъ много богатыхъ плодовъ для нихъ и ихъ дѣятельности. »Слово Божіе придаетъ проповѣднику силы (говоритъ св. Григорій) для совершенія обязанностей своего званія, будетъ освѣжать въ немъ чувство благочестія, которое такъ скоро черствѣетъ отъ обращенія въ свѣтъ, и, на-перекоръ вліянію житейской суеты, приводящей преждевременную дряхлость, будетъ окрылять духъ его изображеніемъ славы небеснаго отечества«. Кому неизвѣстно, какъ разсѣивается сердце наше въ мірскихъ бесѣдахъ,—какъ внѣшнія заботы отвлекаютъ насъ отъ заботы о душѣ? Тѣмъ необходимѣе для насъ бесѣда съ Богомъ, тѣмъ прилежниѣ должны мы изучать священное Писаніе. Посему-то и апостолъ Павелъ, поставивъ ученика своего Тимоѣя пастыремъ духовнаго стада, говорилъ ему: *донеже прииду, внемли чтенію* (1 Тим. IV, 17). Посему и Давидъ восклицалъ: *когда возлюбихъ законъ твой, Господи, весь день поученіе мое есть* (Пс. CVIII, 97)! Посему-то наконецъ и Моисею заповѣдалъ Господь придѣлать къ четыремъ концамъ Кивота четыре золотые кольца и вложить въ сіи кольца носила отъ древа негниюща и позлащенные золотомъ чистымъ, чтобы можно было тотчасъ переносить Кивотъ, куда потребуется (Исх. XXV, 12. 13). Ибо что иное прообразовалъ Кивотъ Завѣта, какъ не святую церковь? Четыре кольца ея не суть ли четыре Евангелія, чрезъ проповѣданіе которыхъ она распространяется и какъ бы разносится по четыремъ частямъ свѣта? Носила же ея—это самые проповѣдники и учителя. Они.... постоянно должны находится при кольцахъ церкви, —никогда не отрываться вниманіемъ отъ святыхъ Евангелій, чтобы всякій разъ быть го-

¹⁾ Паст. II. ч. II, гл. 11.

товыми къ исполненію своего предназначенія, т. е., къ распространенію церкви. Въ самомъ дѣлѣ, какъ безславно было бы для пастыря, еслибы онъ тогда только принялся изучать предложенный ему подчиненными вопросъ, по священному писанію, когда требуется уже рѣшеніе! Нѣтъ, онъ долженъ заблаговременно обсудить и постоянно содержать въ умѣ своемъ все, что касается до слова Божія, чтобы безъ замедленія удовлетворять вопрошающихъ.» Выраженная здѣсь мысль ясна и понятна съ перваго раза. Но мы привели подлинныя слова св. Григорія, раскрывающія эту мысль, чтобы показать самую форму и ходъ его доказательствъ. Святой отецъ, побуждая проповѣдника къ постоянному чтенію священнаго писанія, указываетъ при этомъ естественныя разсудочныя соображенія въ пользу своей мысли, ссылается на разныя мѣста писанія, и наконецъ воспоминаетъ о распоряженіяхъ ветхозавѣтной церкви, и посредствомъ символическаго толкованія примѣняетъ ихъ къ тѣмъ частнымъ дѣламъ, какія стоятъ у него предъ глазами. Этотъ символизмъ въ доказательствахъ св. Григорія играетъ очень видную роль: въ Пастырскомъ Наставленіи не разъ встрѣчаются ссылки на законы касательно устройства скинии и священства ветхозавѣтнаго, данныя Богомъ чрезъ Моисея, и ими посредствомъ символическаго оборота мысли утверждаются часто положенія, истина которыхъ ясна и безъ этого приѣма христіанской діалектики, любившей играть символами и аллегоріями, и видѣвшей въ каждой буквѣ ветхозавѣтной преднамѣренный типъ новозавѣтныхъ христіанскихъ событій.

Кромѣ Слова Божія св. Григорій Двоесловъ обращаетъ вниманіе проповѣдниковъ и на *примѣры предшествовавшихъ отцевъ*, и это опять выводитъ изъ ветхозавѣтнаго распоряженія, по которому на груди Аарона должно было быть прикрѣплено такъ называемое *слово судное* (Исх XXVIII, 15), съ начертаніемъ на немъ именъ двѣнадцати патріарховъ. »Всегда

носить на груди имена отцовъ значить (говорить св. Григорій) непрестанно размышлять о жизни древнихъ. Пастырь тогда только можетъ непреткновенно проходить свое служеніе, когда непрестанно воображаетъ въ умѣ своемъ примѣры предшествовавшихъ отцевъ, неутомимо рассматриваетъ каждый слѣдъ святыхъ и т. дал. Въ примѣненіи къ церковному краснорѣчію, это значить, что ему нужно учиться путемъ практическаго знакомства съ образцовыми произведеніями знаменитыхъ проповѣдниковъ, и изъ ихъ примѣра извлекать для себя побужденія и правила дѣятельности. Этихъ образцовъ еще не такъ много было въ вѣкъ св. Григорія, какъ теперь. Но вполне развитая мысль св. Григорія ставитъ необходимымъ для нашего времени историческое изученіе проповѣднической дѣятельности и литературы. Это историческое изученіе проповѣди — лучшая реторика и гомилетика, какая только мыслима въ дѣлѣ наученія проповѣдничеству. При этомъ историческомъ изученіи мы непосредственно узнаемъ достоинства, трудности и недостатки проповѣднической дѣятельности предшествовавшихъ поколѣній, лицомъ къ лицу знакомимся съ побуждающимъ энергическимъ словомъ историческихъ проповѣдниковъ, и по мѣрѣ возможности стараемся усвоить себѣ изъ него, что доступно и пригодно намъ, и въ одно и тоже время приобрѣтаемъ и знаніе, нужное для проповѣдника, и навыкъ къ практическому употребленію проповѣдническаго слова. Ученому проповѣднику стыдно не знать исторіи того дѣла, въ которомъ является продолжателемъ великихъ двигателей религіозно-общественной жизни. Съ другой стороны гдѣ братъ ему для себя лучшіе уроки, какъ не въ живыхъ примѣрахъ богатой и разнообразной дѣятельности прежнихъ вѣковъ?

Кромѣ общаго приготовленія къ достойному прохожденію проповѣднической должности, кромѣ заботъ объ образованіи,

необходимомъ и полезномъ для проповѣдника, св. Григорій предполагаетъ нужнымъ *нарочитое приготовленіе къ каждой частной проповѣди*. Въ его книгѣ не видно того воззрѣнія, которое господствовало на востокѣ въ первыя времена христіанства, и которое, представляя проповѣдника орудіемъ Св. Духа, считало какъ бы оскорбительнымъ для священной кафедры суетливыя приготовительныя заботы о томъ, что и какъ говорить въ церкви. Это воззрѣніе указывало проповѣдникамъ на слова Спасителя: *не вы будите маломощи, но Духъ Отца вашего, малый въ васъ*, и возбуждало усиленную надежду на непосредственное содѣйствіи Св. Духа, отъ котораго все должно было зависѣть въ дѣлѣ церковнаго слова. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія утвердился обычай, долгое время господствовавшій въ христіанской церкви, по которому импровизація или только рѣчь, не заготовленная напередъ, допускалась на священную кафедру: приготовленіемъ къ проповѣди и обдумываніемъ ея боялись оскорбить Св. Духа, говорящаго въ проповѣдникѣ, по вѣрѣ благочестивыхъ христіанъ. Было и на западѣ это благочестивое вѣрованіе въ непосредственное содѣйствіе Св. Духа каждому проповѣднику, выступающему на церковную кафедру. Но въ вѣкъ св. Григорія оно совсѣмъ ослабѣло и рѣшительно немислима была тогда та крайняя степень его выраженія, при которой боялись профанировать проповѣдь предварительнымъ ея обдумываніемъ и составленіемъ. Проповѣдническая практика на западѣ не представляла такихъ богатыхъ плодовъ Духа, какими блистала кафедра церквей восточныхъ, и потому при упованіи на содѣйствіе Св. Духа, представители церкви западной не гнушались естественными средствами, способствующими усовершенію проповѣдническаго дѣла, а напротивъ предписывали пользоваться ими церковнымъ пастырямъ, и даже теоретически доказывали нужду этого и разъясняли способы составленія церковныхъ рѣчей.

На что должно быть обращено вниманіе пастыря при приготовленіи къ проповѣди? Или *въ чемъ должно состоять это приготовленіе*? Оно должно касаться и внутренней и внѣшней стороны проповѣди, т. е., и содержанія и формы.

Обдумывать то, что проповѣдникъ хочетъ предложить своимъ слушателямъ, св. Григорій предписываетъ съ возможною тщательностію. Главное стараніе здѣсь у него не туда должно быть направлено, чтобы изобрѣсть что нибудь особенное и интересное, или поразить слушателей неслыханною мудростію. Отъ увлеченія въ эту сторону заботливо предостерегаетъ проповѣдниковъ св. Григорій: *совѣтуя имъ не мудрствовать наче еже подобаетъ мудрствовать* (Рим. XII, 3). Во что всѣ хрістіане вѣрують, что всѣ должны знать, только то онъ долженъ раскрывать предъ ними. И первая его забота, при обдумываніи проповѣди должна быть въ томъ, чтобы какою нибудь неправоуславною мыслію не возмутить и не оскорбить совѣсти слушателей. Въ противномъ случаѣ онъ, стараясь показаться мудрѣйшимъ, расторгнетъ только союзъ единства, и тѣмъ лишь больше выкажетъ свое неразуміе. Здѣсь-то нужно помнить эти слова истины: *имайте соль въ себѣ, и миръ имайте между собою* (Мар. IX, 50). Кто желаетъ говорить мудро, пусть тщательно бережется, какъ бы не нарушить единства мира и любви между слушателями.¹⁾ Только отрицательнымъ образомъ опредѣляетъ это правило св. Григорія характеръ проповѣдническаго труда. Оно могло породить простыя, чуждыя всякой искусственности, бесѣды о предметахъ хрістіанскаго благочестія, и гнало съ церковной кафедры всякое оригинальничанье, всякое уклоненіе отъ единства вѣры и церковнаго преданія.

Одною этою отрицательною стороною не ограничивалъ св. Григорій приготовленія проповѣдниковъ къ сказыванію пропо-

¹⁾ Паст. Наст. ч. 1 гл. 2.

вѣди. Онъ предписываетъ имъ еще заботиться о порядкѣ, о нѣкоторомъ приличіи въ развитіи и выраженіи мыслей. Простота, чуждая изысканности, не должна была совершенно устранять всякое искусство: священной кафедрѣ столько же противна безпорядочная болтливость и внѣшнее перяшество, сколько кичливая задавательная мудрость. »Нужно проповѣднику (говоритъ св. Григорій) старательно заботиться и о томъ, чтобы не только не говорить ничего дурнаго, но и о хорошемъ говорить не безъ мѣры и не безъ порядка; потому что проповѣдь часто теряетъ свою силу отъ того, что слушатели замѣчаютъ безпорядочную болтливость въ проповѣдникѣ... Въ словахъ: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣе и безвременнѣе* (2 Тим. IV. 2). Апостолъ не безъ причины помѣстилъ слово: *благовременнѣе*; потому что проповѣдникъ уронить собственное достоинство въ глазахъ слушателей, если будетъ проповѣдывать не-благовременно, не зная напередъ, что такое благовременная проповѣдь.»

Въ рѣчи о приготовленіи къ проповѣди упомянувши какъ бы мимоходомъ о характерѣ содержанія проповѣдей, св. Григорій въ другихъ мѣстахъ входитъ въ болѣе точное опредѣленіе того *предмета*, о которомъ могутъ и должны говорить проповѣдники. Въ этомъ случаѣ онъ назначаетъ очень широкія границы проповѣдническому слову и не думаетъ стѣснять свободы его выбора въ ряду многосложныхъ истинъ нашей вѣры и нашего сознанія, лишь бы только это были дѣйствительныя истины, не противныя православію. Пастырю онъ предписываетъ *быть сострадательнымъ ко всѣмъ и болѣе всѣхъ заниматься созерцаніемъ*¹⁾. Это состраданіе ко всѣмъ и эта высота созерцанія, которою долженъ отличаться пастырь,— два термина, которыми обозначается кругъ предметовъ пастырскаго

1) Паст. Наст. ч. II гл. 5.

паставленія. Высота созерцанія открываетъ проповѣднику тайны горняго міра, а состраданіе ко всѣмъ заставляетъ его съ уча- стіемъ относиться ко всѣмъ мелочамъ людскимъ, къ немощамъ и заботамъ плотскаго человѣка. Отсюда его слово то будетъ возводить земную мысль слушателей къ тайнамъ третьяго неба, въ міръ ангельскій и міръ божественный, то съ другой сто- роны само будетъ нисходить къ слабостямъ плотскаго человѣка, къ тайнамъ супружескаго ложа, припосл съ собою возвышаю- щее облагороживающее дѣйствіе благодатнаго ученія Христова. Въ примѣръ такихъ широкихъ пастырскихъ заботъ св. Григо- рій представляетъ апостола Павла, который »и возносится ду- хомъ въ рай, созерцаетъ тайны третьяго неба, и при всемъ томъ принимаетъ самое сердечное участіе въ немощахъ плот- скихъ людей и печется даже о томъ, какъ лучше имъ устроиться съ своими похотями. *Блудодѣянїя ради (говорять) кїйждо свою жену да иматъ, и каяждо жена своего мужа да иматъ; женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ: такожде и жена мужу. Не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времени, да пребываете въ постѣ и молитвѣ и пакы акупъ собирайтесь* (1 Кор. VII, 2—6). Вотъ какимъ образомъ мо- гутъ быть совмѣщены въ одномъ человѣкѣ и самая высокая созерцательность, и самое попечительное состраданіе къ не- мощной братіи! Высереннымъ умомъ своимъ Апостолъ восхо- дитъ до тайнъ міра ангельскаго, а жалостливымъ сердцемъ до тайнъ супружескаго ложа...! Далѣе св. Григорій указываетъ на лѣствицу, видѣнную Іаковомъ, которая, опираясь на умщен- номъ камнѣ, оканчивалась у престола Божія на небѣ, и по ко- торой восходили и нисходили ангелы: точно также и истинные проповѣдники не только восходятъ созерцать Главу церкви, т. е., Господа, но и нисходятъ сострадать земнымъ ея членамъ...?

При высокомъ аскетическомъ настроеніи свят. Григорія Двоеслова, у него много было, какъ онъ выражается, мягкой

сострадательности къ немоцной низшей братіи. И во имя этой сострадательности онъ далеко не исключалъ изъ круга заботъ и помышленій пастыря-проповѣдника внѣшнихъ нуждъ паствы, а напротивъ совѣтовалъ по временамъ сосредоточивать на нихъ свое вниманіе и посвящать имъ полезное слово. Проповѣдь, проникнутая излишнимъ аскетизмомъ, доходящая до презрѣнія житейскихъ потребностей внѣшняго человѣка,—такая проповѣдь не составляетъ верха желаній святаго отца. »Нельзя (говорить онъ)¹⁾ похвалить того пастыря, который такъ преданъ заванію духовными предметами, что внѣшнія нужды паствы для него какъ бы не существуютъ, который вмѣсто того, чтобы только не предпочитать потребности тѣла потребностямъ души, совершенно презираетъ ихъ. Ибо что бываетъ слѣдствіемъ этого?—Пасомые начинаютъ презирать его проповѣдь: потому что они не могутъ охотно слушать обличеніе своихъ проступковъ, когда начальники не позаботятся о доставленіи необходимаго для настоящей жизни.... Пусть пастырь промышляетъ и о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію внѣшняго благосостоянія подчиненныхъ, если хочетъ, чтобы лучше процвѣтало ихъ внутреннее благочестіе; ревнуя о послѣднемъ, пусть не пренебрегаетъ вовсе и перваго. Ибо, повторяю, пасомые какъ-бы по праву будутъ отворачиваться отъ каѳедры проповѣдника, когда онъ отворачивается отъ ихъ насущныхъ потребностей!

Когда св. Григорій Двоесловъ входитъ въ подробности касательно опредѣленія *способа проповѣдничества*, у него два главные понятія становятся задними основаніями, на которыхъ онъ строить свои правила; это съ одной стороны сознаніе святости истины, которою долженъ быть воодушевленъ проповѣдникъ, сознаніе важности пастырскаго долга, а съ другой лю-

¹⁾ П. Паст. ч. II, гл. 7.

бовъ къ той братіи, которая нуждается въ пастырскомъ наставленіи и вызываетъ состороны проповѣдника такія или другія замѣчанія. По первому основанію, слово проповѣдника должно отличаться священною серьезностію, спокойною непоколебимою строгостію и открытою смѣтливостію; по другому, оно должно раствориться элейною мягкостію любви, и дышать нѣжносгію материнской ласки. Гдѣ долженъ преобладать тотъ или другой характеръ слова, этого не опредѣляетъ до точности правило св. Григорія, предоставляя это мудрости самихъ дѣятелей проповѣдническаго слова. Онъ боится только, какъ бы съ этими священными побужденіями, долженствующими опредѣлять характеръ и направленіе проповѣди, не вошла въ противодѣйствіе нечистая сила нашего самолюбія, которая всюду проникаетъ, гдѣ ни является человѣкъ съ своимъ дѣйствіемъ, отвлекая его отъ святыхъ путей и внося смуту въ самыя добрыя его намѣренія. Противъ этой естественной силы, входящей съ своими расчегами во всѣ сферы человѣческой дѣятельности, и могущей ослабить или исказить святое слово проповѣдника, направлено много предостереженій въ Пастырскомъ Наставленіи св. Григорія, и ее бы онъ хотѣлъ сдавить, чтобы дать возможность опредѣлять характеръ и направленіе проповѣди однимъ святымъ побужденіямъ. Человѣкъ, поддавшійся самолюбію, на священной кафедрѣ, вмѣсто того, чтобы давать назиданіе другимъ, будетъ только приносить идольскія требы своей страсти: онъ будетъ стараться блистать искусственнымъ ораторствомъ, будетъ стараться очаровать слушателей, заискать ихъ вниманіе и одобреніе, поглажать и льстить ихъ наклонностямъ и страстямъ,—лишь бы только прогремѣла о немъ слава, лишь бы всѣ его хвалили и уважали. Святая истина для него какъ бы дѣлю побочное и второстепенное, и языкъ его не побоится измѣнить ей, когда самолюбивый расчетъ не будетъ видѣть для себя интереса въ прямомъ служеніи ей.

»Надобно и нравиться пасомымъ (говорить св. Григорій)¹⁾, только не изъ самолюбія,— нѣтъ, но для того, чтобы своею любезностію поддерживать въ нихъ любовь къ истинѣ, привлекать ихъ къ закону Божію, который имъ проповѣдуются. Ибо едвали хорошо будетъ слушать того проповѣдника, который не умѣетъ слушателей расположить къ себѣ. Такимъ образомъ пастырь и не долженъ пренебрегать любовію пасомыхъ, если хочетъ, чтобы его слушали, и не долженъ заискивать ее для себя лично, если не хочетъ оказаться на дѣлѣ измѣнникомъ и похитителемъ правъ Того, которому видимо служить.» Слова эти въ текстѣ *Пастырскаго Наставленія* имѣютъ значеніе по отношенію ко всему поведенію пастыря церкви. Но изъ нихъ легко уясняется и специальное требованіе касательно проповѣдническаго долга. Св. Григорій желаетъ, чтобы слово проповѣдника имѣло и внѣшнія достоинства, которыми бы оно привлекало слушателей и располагало ихъ вниманіе къ усвоенію проповѣдуемой истины. Нравиться не есть долгъ христіанскаго оратора; напротивъ, онъ измѣнить своему призванію, если цѣль своего служенія поставить въ томъ, чтобы нравиться. Между тѣмъ не мѣшаетъ, при главномъ долгѣ наученія и убѣжденія, лежащемъ на духовномъ ораторѣ, помнить и объ этомъ условіи успѣшной ораторской дѣятельности. Проповѣдникъ ничѣмъ не долженъ пренебрегать для того, чтобы довести святую истину до сердца слушателей и возбудить ихъ волю къ добродѣтели.

Но дурно, если средство сдѣлается цѣлію, если проповѣдникъ будетъ стараться больше нравиться, чѣмъ учить. Тогда онъ остановится на полудорогѣ и совершенно исказитъ значеніе проповѣди. »Тогда (по словамъ св. Григорія) самолюбіе сдѣлаетъ весь трудъ его совершенно напраснымъ для Бога. Ибо тотъ—врагъ Искупителя, кто добивается, хотя бы то и

¹⁾ Пастырск. Наст. ч. II. гл. 8.

хорошими средствами, быть любимымъ церковію вмѣсто Него: это было бы тоже самое, какъ еслибы какой нибудь отрокъ, чрезъ котораго женихъ пересылаетъ подарки къ своей невѣстѣ, вздумалъ предательски привлечь къ себѣ ея сердце и обольстить ее. Проповѣдникъ перестаетъ быть служителемъ истины, когда онъ слишкомъ увлекается желаніемъ нравиться людямъ. Тогда онъ будетъ молчать тамъ, гдѣ нужно бы говорить, и будетъ напрасно нѣжить слухъ тѣхъ, кого бы нужно строго обличать, и *лѣстиво извинять то, что надлежало бы ему осуждать.*» Къ такимъ пастырямъ св. Григорій относитъ слова пророка Іезекіиля: *горе сшивающимъ возлавицы подъ всякій локоть руки и сокрывающимъ покрывала подъ всякую главу всякого возраста, еже разератити души* (Іер. XIII, 18). Такіе пастыри, пожалуй, являются иногда строгими, и жестокими, но только предъ тѣми, которые по своей слабости ни въ чемъ не могутъ имъ повредить, и которымъ скорѣе нужно слово утѣшенія, чѣмъ обличенія. Св. Григорій требуетъ смѣлой и безпристрастной рѣчи отъ пастыря предъ всѣми людьми, и обязываетъ его больше любить истину, чѣмъ бояться сильныхъ земли. Онъ съ силою осуждаетъ тѣхъ пастырей, которые, страшась потерять благоволеніе людей, не рѣшаются свободно высказывать истину; это (по его словамъ) уже не пастыри, а скорѣе наемники; они какъ бы бѣгаютъ отъ волка грядущаго, когда укрываются подобнымъ молчаніемъ.... Убояться высказать правду для пастыря не тоже ли, что для военачальника обратиться въ бѣгство посреди сраженія? Но пусть пастырь ратуетъ,—и тогда домъ израилевъ будетъ спокойно стоять за нимъ, какъ за крѣпкою стѣной ¹⁾. Потворство суетности народа, неумѣстная сдержанность рѣчи, слабость обличенія и нѣжное кокетливое ласканіе слуха людскаго— вовсе неидутъ

1) Паст. II. ч. II, гл. 4.

къ христіанскому проповѣднику, противорѣчать данной ему силѣ власти, и навлекають на него судъ небеснаго Пастыреначальника.

Св. Григорій предостерегаетъ проповѣдника и отъ другаго недостатка, противоположнаго лъстивымъ и пріятнымъ словомъ. Онъ требуетъ обличенія отъ проповѣдника, и винить его строго, когда онъ уклоняется отъ этого жесткаго, но необходимаго долга, на перекоръ вызывающимъ обстоятельствомъ. Но когда приходится ему опредѣлять самый характеръ обличенія, онъ главнымъ образомъ вызываетъ къ любви и сострадательности проповѣдника. Мягкое, нѣжное сердце св. Григорія боялось рѣзкихъ потрясающихъ впечатлѣній, и ему не могла нравиться слишкомъ суровая мина проповѣдника, чуждая всякой снисходительности. Онъ проситъ проповѣдника чаще вспоминать себя и свои слабости, чтобы сдержать порывы его неумѣренной ревности. »Нужно кротко и умѣренно обличать проступки (говоритъ св. Григорій) ¹⁾; потому что человѣкъ часто грѣшитъ не по злобѣ, а или по невѣдѣнію или по слабости. Всѣ мы, пока остаемся въ этомъ бренномъ тѣлѣ, неизбѣжно подвержены слабостямъ, и всякій по себѣ можетъ судить, какого снисхожденія заслуживаютъ немощи ближняго. Пусть же и пастырь оглянется на себя, прежде нежели возстанетъ на подчиненнаго съ грознымъ обличеніемъ... Когда огорчаютъ тебя слабости ближняго, размысли, кто ты самъ, и тогда сердце твое укротится отъ неумѣренной ревности.« Только безчувственный, не понимающій важности своей вины, грѣшникъ можетъ вызывать противъ себя грозное и сильное слово обличенія, по представленію святаго отца. Но признавая это, св. Григорій боится, какъ бы рѣзкій тонъ обличенія, подъ этимъ или другимъ предлогомъ, не вошелъ въ привычку въ проповѣдническомъ служеніи пастыря,

¹⁾ Паст. II. ч. II, гл. 10,

и тѣмъ не разстроилъ священной мелодіи любви и милосердія, какая должна раздаваться съ церковной кафедрѣ. Разными ограниченіями обставляетъ онъ право проповѣдника громами обличенія поражать сердце грѣшника, и вдается въ подробныя разсужденія о томъ, гдѣ и какъ настроить свое слово обличающему проповѣднику, гдѣ прикрыть проступки пасомыхъ, гдѣ явные спокойно терпѣть и т. под. Много трогательнаго въ этой заботливости любящей души св. Григорія о томъ, какъ бы не оскорбить обличеніемъ слушателей, вызывающихъ его своими грѣхами, какъ бы болѣе надлежащаго не поразить ихъ грозными словами. Нельзя безъ чувства читать простыхъ наставительныхъ словъ, полныхъ самой здоровой, нравственной нѣжности, какими св. Григорій заключаетъ свой трактатъ о проповѣдническомъ обличеніи, составляющій содержаніе десятой главы второй книги *Пастырскаго Наставленія*. »Въ обличеніяхъ весьма трудно бываетъ удержаться, чтобы не сказать чего нибудь невыносимаго (говоритъ св. Григорій). Нерѣдко одно неосторожное, слишкомъ рѣзкое слово обличителя, вмѣсто того, чтобы уврачевать грѣшника, убиваетъ его, повергая въ отчаяніе. Посему, когда мы замѣтимъ, послѣ обличительной проповѣди, что поразили слушателей слишкомъ сильно, тотчасъ должны прибѣгнуть къ покаянію и со слезами просить у Господа прощенія въ томъ, что согрѣшили отъ неосмотрительной ревности по Его святому законѣ. Сіе заповѣдуютъ намъ прообразовательно въ слѣдующихъ словахъ Моисея: *уже аще поидетъ съ подрукомъ своимъ въ лѣсъ собирать дрова, и поползнетъ рука его съ стѣпкою стѣпущаго дрова, и спадши стѣпюра съ топорища улушитъ подруга его и умретъ: сей да убѣжитъ во единъ отъ градовъ сихъ, и живъ да будетъ, да не погнавъ ужикъ крове въ смѣль убившаго, яко разорится сердце ему, и постигнетъ его, аще должайшій будетъ путь, и убіетъ душу его и умретъ* (Втор. XIX, 5. 6.). Когда мы

пускаемся въ обличеніе грѣховъ ближняго, мы какъ бы входимъ въ лѣсъ съ *подрубомъ*; и пока мы исправляемъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, мы просто посѣкаемъ дрова. Но вотъ мы погорячились, забылись, и сѣкира, понолизнувшись въ рукѣ, смертельно поражаетъ нашего *подруга*. Въ этомъ положеніи, если мы сами не хотимъ пасть жертвою мести котораго либо изъ родственниковъ убитаго, намъ необходимо бѣжать, и спастись въ трехъ городахъ убѣжища, т. е., укрыться вѣрою, надеждою и любовію, омывая грѣхъ свой слезами покаянія. И какъ мститель убитаго не трогалъ убійцу, когда находилъ его во градѣ убѣжища, такъ и верховный каратель всякаго зла, содѣлавшійся братомъ нашимъ чрезъ воспріятіе плоти, не накажетъ насъ за убійственное обличеніе, когда увидитъ насъ подъ *защитою* покаянія.»

Послѣ общихъ замѣчаній о проповѣдническомъ дѣлѣ, св. Григорій считалъ нужнымъ войти въ подробности проповѣднической практики, и третья часть его книги, самая большая, представляетъ изъ себя гомилетическую казуистику, желающую въ частности поучить пастыря, что ему нужно предлагать для назиданія разнымъ родамъ своихъ пасомыхъ. Общая мысль, проводимая въ этой гомилетической казуистикѣ, вся направлена къ тому, чтобы слово проповѣдника сдѣлать словомъ *практическимъ, жизненнымъ*, прямо достигающимъ своей цѣли.

Въ проповѣди, какъ возвѣщенія слова Божія народу, неразрывно соединены два элемента, и живой духъ проповѣдника является связующею ихъ силою. Первый, главный и дѣйствующій, элементъ проповѣди— это слово Божіе, возвѣщаемое съ церковной кафедры, или высшій идеалъ человѣческаго сознанія и человѣческой нравственности, носящійся предъ взоромъ проповѣдника. Какъ бы онъ не зачинался и не вырасталъ предъ нами, по дѣйствию ли высшаго положительнаго откровенія, или въ слѣдствіе особеннаго внутренняго возбуж-

денія, или по прямому указанію воспитательнаго голоса церкви, во всякомъ случаѣ его сознаніе освѣщаетъ раздоръ, неполноту и несовершенство нашей жизни и нашей мысли. Человѣкъ съ живою, теплою душою весь проникается чувствомъ и сознаніемъ этого идеала; онъ становится его собственностію, существомъ его духа. И тогда въ его груди рождается сила, которая необходимо принуждаетъ его вонъ среди собратій своихъ распространять свои мысли и свои правила, и тогда раздается его голосъ, какъ голосъ проповѣдника. По нашему мнѣнію, истиннымъ и сильнымъ проповѣдникомъ можетъ быть только тотъ, чей духъ весь проникнутъ словомъ Божиимъ, у кого въ груди и мысли есть живой, высшій и святой идеаль. Преданность этому слову Божию, одушевленное сознаніе его придаютъ проповѣднику необычайную силу, могущую наблюдать упорство и ожесточеніе людей, и доходить до раздѣленія души и духа. Всѣ проповѣдники *et officio*, не носящіе въ душѣ своей слова Божія, не воодушевленные божественнымъ идеаломъ, обыкновенно говорятъ о чемъ попало, лишь бы говорить, и ихъ слово блѣдно, мертво и безъ духа. Они сами говорятъ отъ себя, а не *Духъ Божій глаголетъ въ нихъ*. Другой существенный элементъ, который необходимо имѣть въ виду проповѣднику, элементъ, воспріимлющій слово Божіе. Это общество человѣческое, которое стоитъ предъ идеаломъ и требуетъ себя возвышенія и исправленія, по этому идеалу. Идеаль, наполняющій сердце проповѣдника, стремится войти въ жизненную форму—общество, и слово Божіе, подобно слову несозданному, для нашего спасенія должно сдѣлаться плотію, войти въ существонное и личное единеніе съ человѣчествомъ, чтобы принести плодъ въ немъ. Евангеліе для всѣхъ временъ одно и то же, но оно проповѣдуется не какъ логическій абстрактъ, а въ живомъ отношеніи къ обществу и его потребностямъ. Это общество, какъ почва, нуждающаяся въ проповѣди,

своимъ состояніемъ вызываетъ такое или другое слово, опредѣляетъ собою ходъ проповѣди, и предлагаетъ отъ себя проповѣднику то или другое требованіе. Проповѣдническому слову, когда оно не принаровлено къ потребностямъ и способностямъ слушателей, можно, пожалуй, удивляться, можно находить его блестящимъ и краснорѣчивымъ, можно отдавать ему честь за твердость логическихъ настроеній и возвышенность духовныхъ созерцаній. Но эта логика, это блестящее краснорѣчіе, эти возвышенныя созерцанія могутъ безслѣдно пропасть въ воздухѣ, когда для нихъ не будетъ восприимчивой почвы, или когда они не будутъ соображены съ свойствами этой почвы. Откровеніе Божіе всегда было откровеніемъ извѣстному народу и въ извѣстное время. Оно не происходило безусловно изъ одной воли Божіей, а было вызываемо потребностями человѣчества: Богъ хотѣлъ говорить человѣку не о томъ, о чемъ могъ, а о томъ, что нужно было для этого человѣка. Органы этого откровенія, святые служители божественнаго слова, всегда были болѣе или менѣе сынами своего времени, отвѣчавшими на вопросы дня и нужды своей среды. Всобщій и святой идеаль долженъ сдѣлаться частнымъ и потерѣть преломленіе, когда онъ касается исторической почвы. Проповѣдникъ тогда соотвѣтствуетъ своему призванію, когда онъ не на воздухъ сѣетъ сѣмена слова Божія, а разрыхляетъ лежащую предъ нимъ почву, и прямо въ нее кладетъ духовное сѣмя. И доброе сѣмя развѣтвется вѣтромъ и не принесетъ плода, когда сѣятель не обращаетъ вниманія на то, куда падаетъ его сѣмя и носится съ своимъ добромъ въ воздушныхъ пространствахъ.

Предъ мыслью св. Григорія Діоеслова, когда онъ говорилъ о проповѣди, рельефнѣе всего выступалъ этотъ второй элементъ проповѣди, — элементъ воспріятія, и онъ по нему хо-

*

тѣль бы опредѣлять и характеръ и содержаніе пастырскаго слова. »Не всѣмъ приличествуетъ (говоритъ св. Григорій Двоесловъ) ¹⁾ одинаковое поученіе, при неодинаковости людскихъ нравовъ, какъ замѣтилъ еще задолго до насъ блаженной памяти Григорій Назіанзинъ. Часто полезное для однихъ обращается во вредъ другимъ. Такъ и травы, которыя однихъ животныхъ питаютъ, другихъ убиваютъ; и одинъ и тотъ же свистъ усмиряетъ объѣзженнаго коня, а молодаго бѣситъ; даже и лѣкарство, которое одну болѣзнь умѣньшило, другую можетъ только усилить; наконецъ и самый хлѣбъ, укрѣпляющій жизнь взрослыхъ, разстроиваетъ здоровье дѣтей. Итакъ всякая рѣчь учителя должна быть принаровлена къ качествамъ слушателей, что бы каждому предложено было свое, ему свойственное. Что такое напряженные умы слушателей, какъ—если могу такъ выразиться—не струны натянутыя на инструментъ, къ которымъ различно прикасается искусный игрокъ, однакожь съ тою цѣлю, чтобы отъ этихъ различныхъ прикосновеній образовалось одна стройная пѣснь? И струны издають гармоническіе звуки потому именно, что приводятся въ движеніе однимъ орудіемъ, но не одинаковыми ударами. Подобно сему и всякій учитель, если хочетъ утвердить всѣхъ въ одной добродѣтели любви, долженъ трогать и назидать сердца слушателей однимъ ученіемъ, но не однимъ и тѣмъ же способомъ.»

Мысль эту св. Григорій Двоесловъ считалъ такъ важною, что подвергъ ее самому тщательному анализу и далъ ей самое широкое мѣсто въ своемъ твореніи. Мы не скажемъ, чтобы она всесторонне была обслѣдована и проведена съ возможною глубиною и основательностію. Анализъ ея, при всей его подробности, довольно узокъ и одностороненъ. Въ представленіи св. Григорія преемственно возникаютъ разныя про-

¹⁾ Пасл. Н. ч. III.

тивоположности слушателей, нуждающихся въ пастырскомъ увѣщаніи, по поламъ, по возрастамъ, по характерамъ, по виѣшнему положенію, по внутреннему совершенству, по способностямъ и т. дал., и онъ въ тридцати шести увѣщаніяхъ даетъ подробныя наставленія о томъ, какъ нужно учить 1) мужчинъ и женщинъ, 2) юношей и старцевъ, 3) бѣдныхъ и богатыхъ, 4) веселыхъ и печальныхъ и т. дал. Много полезныхъ совѣтовъ высказано св. Григоріемъ, когда онъ перебираетъ цѣлыя десятки видовъ, представляемыхъ паствою священника, показывая, какъ нужно приспособляться къ каждому изъ нихъ, чтобы пастырское слово было плодотворно и дѣйственно. Но было бы длинною матеріею перечислять ихъ. Пастырскій урокъ, предписываемый въ данномъ случаѣ св. Григоріемъ, прямо и естественно опредѣляется особенностію слушателей. Веселымъ на примѣръ св. Григорій совѣтуетъ напоминать о той скорби, которою будутъ сопровождаться вѣчныя мученія, а печальнымъ о той радости, какая обѣщана христіанину въ царствѣ небесномъ, мудрыхъ совѣтуетъ увѣщавать, чтобы они не зазнавались тѣмъ, что знаютъ, и скудоумныхъ побуждаетъ узнать то, чего не знаютъ; безстыдство нужно вразумлять строгимъ выговоромъ, а стыдливость скромнымъ увѣщаніемъ, безстыдныхъ нужно разить часто, прямо и открыто, а стыдливыхъ достаточно однажды напомнить объ ихъ долѣ, ихъ довольно задѣть или коснуться стороною и т. дал. Эти и подобныя имъ наставленія имѣютъ прямое отношеніе больше къ частной бесѣдѣ пастырской, направленной къ опредѣленному кругу слушателей, чѣмъ къ церковной проповѣди, говоримой предъ слушателями разнообразнаго характера и положенія. Послѣ многихъ и подробныхъ замѣчаній о томъ, что кому нужно говорить, проповѣдникъ имѣющій предъ собою смѣшанную толпу, руководясь правиломъ св. Григорія будетъ чувствовать немалое затрудненіе въ опредѣленіи характера и содержанія сво-

ей рѣчи, приспособительно къ слушателямъ. Ему же нельзя раздроблять своей рѣчи на тридцать или шестьдесятъ частей, чтобы сказать приличное и годное для разныхъ родовъ слушателей. Св. Григорій самъ видѣлъ затруднительность положенія проповѣдника, имѣющаго дѣло разомъ съ разными пороками и настроеніями, потому, кончивши свои частныя замѣчанія, желаетъ указать руководительную нить, за которую долженъ держаться проповѣдникъ, поставленный лицомъ къ лицу съ безчисленнымъ множествомъ слушателей волнующихся различными страстями. Эту руководительную нить онъ находитъ въ золотой срединѣ, которая, предписывая умѣренность и спокойную осторожность, предохраняетъ отъ увлеченій и крайностей. Пользуясь умѣренностію, заботливо избѣгая крайностей, проповѣдникъ съумѣетъ такъ внушать добродѣтель людямъ различныхъ характеровъ и положеній, что она ни въ комъ не превратится въ противоположенную слабость. Людямъ гордымъ напимѣръ онъ будетъ проповѣдывать смиреніе, но такъ, что у робкихъ и боязливыхъ не усилитъ страхъ и не доведетъ ихъ до унынія; и отчаянія; робкимъ онъ станетъ внушать бодрость, но опять такъ, чтобы чрезъ это не возрасла надменность и безпечность гордыхъ, расточительныхъ будетъ увѣщевать къ бережливости, но при этомъ будетъ остерегаться, какъ бы своимъ увѣщаніемъ не усилитъ любостяжательности и скупости людей противоположнаго направленія; людямъ воздержнымъ будетъ хвалить дѣвство, но при этомъ не дойдетъ до униженія брака и никого не доведетъ до презрѣнія чадородія; равнодушныхъ будетъ возбуждать къ ревности, но такъ, чтобы люди пылкіе, слыша это возбужденіе, не увлеклись до неумѣренной и фанатической горячности. Вообще такъ нужно проповѣдывать и хвалить добро, чтобы отсюда скрытымъ образомъ не возникло зло.

Понятна заботливость святаго отца объ опредѣленіи характера проповѣди, сообразно потребностямъ слушателей. Послѣ частныхъ указаній, кому какое нужно предлагать ученіе, онъ видитъ, что вопросъ не рѣшенъ и не изчерпанъ его анализомъ. Напротивъ, въ немъ предложено проповѣднику нѣсколько десятковъ путей, идущихъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Церковная кафедра стоитъ въ средоточіи этихъ путей, расходящихся въ разныя стороны, и каждый, вступающій на нее, способенъ затеряться, когда вдругъ, по вызову слушателей, онъ долженъ броситься и туда и сюда и въ третье и въ четвертое мѣсто и т. дал. Добрый совѣтъ слышится намъ въ той главѣ Пастырскаго Наставленія, которая, заключая собою частныя увѣщанія, показываетъ, какимъ образомъ нужно наставлять большое общество, состоящее изъ разнообразныхъ слушателей, и мы всегда готовы повторить его всякому, готовящемуся въ пастыри и проповѣдники церкви. Но мы не оскорбимъ памяти великаго учителя, если позволимъ себѣ замѣтить, что въ этомъ совѣтѣ далеко не все высказано, на чемъ можно бы успокоиться христіанскому проповѣднику, желающему вполне сообразовать свою проповѣдь съ потребностями времени и обстоятельствъ, съ характеромъ, положеніемъ, знаніями и направленіемъ своихъ слушателей. Слѣдуя разъ принятому теченію своей мысли въ опредѣленіи характера и содержанія пастырскаго слова, св. Григорій раздробилъ свой предметъ на нѣсколько мелкихъ отдѣленій, по числу различныхъ классовъ слушателей, представлявшихъ его вниманію, и рѣшилъ свой вопросъ казуистически, не входя въ изслѣдованіе существеннаго его содержанія и не подвергая своему разсмотрѣнію всей широты его. Мы имѣемъ въ Пастырскомъ Наставленіи подробную гомилетическую казуистику, рассчитанную на самые частные случаи. Но обиліе этихъ случаевъ, показанныхъ въ Наставленіи св. Григорія, обстоятельное указаніе того, какъ най-

тись въ нихъ проповѣднику, заслонило собою другія широкія стороны предмета ими обсуждаемаго, и вниманіе св. Григорія, устремленное въ одну сторону, ощутило изъ вида цѣльное и широкое проявленіе проповѣди, направленной къ многообъемлющему кругу человѣческихъ обществъ, и если въ послѣдствіи обратилось къ полнотѣ стоящей предъ нимъ задачи, то сказало о ней мало и неопредѣленно. »Проповѣдникъ, по словамъ Шлейермахера ¹⁾, постоянно долженъ носить въ себѣ цѣлость тѣхъ потребностей, какимъ ему нужно удовлетворять, тѣхъ средствъ, какія могутъ служить ему въ выполненіи своей задачи, и не поддаваться впечатленію одной минуты ¹⁾. Этой цѣлости не обнимаетъ собою подробное наставленіе св. Григорія, и она ускользаетъ отъ взгляда самого внимательнаго читателя его, при видѣ частныхъ, не объединенныхъ ясною и широкою мыслию, и тянущихся длинною нитью въ одну сторону.

Мы впрочемъ уклоняемся отъ главной цѣли сочиненія св. Григорія Двоеслова, когда хотимъ судить о ней по правиламъ научной строгой критики. Пастырское Наставленіе практическаго свойства и не претендуетъ на теоретическую полноту и логическую строгость. Со стороны критики было бы насиліемъ хотѣть видѣть въ немъ то, чего не предполагалъ его авторъ, и осуждать его за неисполненіе чужихъ стороннихъ желаній и предположеній.

Намъ пріятно заявить свое уваженіе къ силѣ практической мудрости, выраженной въ сочиненіи о пастырскомъ служеніи. Эта сила практической мудрости сдѣлала книгу св. Григорія Двоеслова идеаломъ, съ которымъ желало сообразовать

¹⁾ Vorlesungen über die practische Theologie.

свои дѣйствія западное духовенство многихъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за временемъ св. Григорія Двоеслова. Соборы ¹⁾, бывшіе на западѣ въ IX вѣкѣ, назначаютъ ей мѣсто въ каталогѣ книгъ, необходимыхъ для пастыря церкви, тотчасъ же послѣ книгъ св. Писанія. По распоряженію западной церкви, какъ свидѣтельствуя Гинемаръ римскій ²⁾, Пастырское Наставленіе давали въ руки въ алтарѣ посвящаемому въ епископа, вмѣстѣ съ книгою церковныхъ правилъ, и онъ клялся при этомъ жить и учить такъ, какъ совѣтуетъ святыи отцы церкви. Алфредъ Великій самъ перевелъ ее на англосаксонскій языкъ для клира своей страны.

Восточная церковь, съ первыхъ дней появленія Пастырскаго Наставленія св. Григорія Двоеслова, постаралась усвоить его себѣ и своей литературѣ. Анастасій, патріархъ антiохійскій, современникъ св. Григорія Двоеслова, по желанію императора Маврікія, перевелъ его на греческій языкъ, и тѣмъ доставилъ возможность познакомиться съ нимъ греческому духовенству. И русская духовная литература не осталась безучастною къ творенію св. Григорія Двоеслова. Когда въ ней сознана была потребность непосредственнаго знакомства съ отеческими писаніями, служащими выраженіями голоса древней православной церкви, между другими сочиненіями св. отцевъ и Пастырское Наставленіе св. Григорія Двоеслова обратило на себя вниманіе трудолюбивыхъ переводчиковъ отеческаго

¹⁾ Майнскій и Реймскій 813 года, 3-й Турскій, Кабиллонскій.

²⁾ Opusc. car. 55.

слова. Много отрывочныхъ наставленій изъ сочиненій о пастырскомъ служеніи помѣщено въ XIX, XX и XXI годахъ Воскреснаго Чтенія, а полный переводъ напечатанъ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1847 годъ.

В. Пшоникій.

